

«Дело Флетчера» 1848–1864 гг. Сергей Алексеевич Белокуров

Напечатание в 1848г. Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском Университете сочинения Флетчера «о государстве Русском» имело большое влияние на дальнейшую судьбу Общества в течении последовавшего десятилетия и по справедливости принадлежит к числу «особо важных случаев» из жизни Общества, которым по программе «Исторической Записки» об Обществе должна быть уделена особая речь в VI главе. В настоящее время в печати существуют уже рассказы об этом событии, но не всё ещё достаточно известно: так разноречивые сведения сообщаются о переводчике этого сочинения Флетчера и почти никаких о последующей судьбе (после 1848 г.) этого перевода, изданного Обществом¹. В печати (случайные упоминания) перевод этот приписывается кроме князя Оболенского Н.В. Качалову и Д.И. Гиппиусу; а недавно среди бумаг покойного П.А. Кулиша найден перевод сего сочинения, писанный самим Кулишем, вследствие чего в Киеве возникла мысль: не им ли он и сделан? Настоящая статья имеет целью изложить историю печатания сочинения Флетчера и сообщить сведения о переводчике его и о последующей судьбе перевода, насколько она доселе известна.

В заседании Общества, происходившем 27 сентября 1847 г. под председательством Действительного члена кн. М.А. Оболенского, заявлено было, как значится в протоколе, что в числе других статей присланы для напечатания: «от князя М.А. Оболенского-Флетчера подлинник и перевод путешествия в Россию». Подобную же запись читаем и в протоколе другого заседания, происходившего 27 декабря того же 1847 г. под председательством графа С.Г. Строганова: «от Действит. члена князя М.А. Оболенского представлены: 1) подлинник и перевод соч. Флетчера: описание России и 2) Таубе и Крузе: царь Иван Васильевич Грозный и проч.». Постановления Общества нив том, ни в другом случае не отмечено, как и по отношению к другим статьям². Почему два раза было занесено в протоколы Общества о переводе Флетчера – неизвестно; но причиной этого не могли быть встреченные якобы возражения со стороны П.М. Строева³, ибо Строева не было, ни в одном из этих заседаний, равно, как и в заседаниях, когда подписывались оба эти протоколы (25 декабря 1847 г. и 31 января 1848 г.). – Итак, перевод Флетчера доставлен Обществу его Действ. Членом князем М.А. Оболенским. За его подписью напечатано и

предисловие к сему переводу, а в нём встречаем такие фразы: «собрание иностранных сочинений» в Архиве... «доставило нам возможность»,... «мы почли долгом исполнить», «мы употребили все старания передать его самым верным образом», «мы не признали за нужное»..., «принуждены мы были», «мы решились» и т. д. Таким образом, можно было бы положительно говорить, что перевод Флетчера принадлежит кн. М.А. Оболенскому.

Но довольно упорно передаётся по преданию, что многие печатные работы, вышедшие за подписью Директора Московского главного Архива Министерства иностранных дел М.А. Оболенского, ему не принадлежат, а написаны различными лицами, служившими в Архиве во время его директорства. Это предание проникло в печать. Покойный П.А. Безсонов, по окончании курса в Московском Университете, поступивший на службу в Московский Архив Министерства иностранных дел, в одной своей работе (невыпущенной в свет переделке статей об Юрии Крижаниче) пишет следующее о бывшем своём начальнике:

«Среди архивного холода, навсегда подарившего ревматизм, мы невольно переносились мыслию к жарам Африки, а под ферулой Управляющего вопли работавших ему увеличивали сходство с Египетским рабством, из которого наши взоры начинали уже впереди искать земли обетованной.... Весьма деятельный, ловкий и расторопный не в ущерб боярской важности и тучности, довольно образованный и много нахватавшийся, но вовсе не учившийся и не учёный систематически, князь М.А. Оболенский наследовал от предшественников по службе массу преданий и интересных работ, среди материалов, ещё богатейших, в Архиве. Вынимая поочерёдно то или другое из этого подготовленного портфеля, он истинно сиял физически своим полным лицом, как князь и как человек, у которого «сияет дух». Постоянно совершая из под руки подобного рода «открытия», он умел неподражаемо очаровывать ими неопытных, но любознательных юношей, а самих взрослых манил непрерывно раскинутыми широкими планами, как древняя Индийская майя или как средневековая магия. Порою он обнаруживал несомненное искусство возбуждать интерес подлинный и действительный, питать и поддерживать искреннюю ревность; но после первых же шагов работавшего в шахте, с жадностью, довольно уже суровой, сухой и строгой, забирал добычу в свои руки и там она прибавляла слой к слоям от рабочих прежних. Сам «Управляющий» через несколько времени снова просиявал и даже приятно улыбался труженику (а улыбка была в действительности очень обворожительна и любезность совершенно

светская, непринуждённая и лёгкая): но, недавний искатель, охотник или ловец, только что выкопавший и подстреливший, вместо находки и добычи видел и чувствовал себя в какой-то западне, в тенетах. Наиболее желчные, как Виктор, сравнивали это с операцией паука. Между тем каждое «открытие» князь должен был пустить некогда под именем своим и с собственной подписью: для этого он благовременно прерывал самостоятельность в труде рабочего, но не доверял по инстинкту и знаниям собственным, дабы попросту не прорваться или, вежливее не скомпрометироваться в мире учёном; и вот он начинал колебаться, извинял суровость раню в ногу (хотя на войне не бывал), скорбел о холодности к нему, и опять обольщал, и снова припрятывал. Сменялись ряды работ, рабочих (на службе подвластной), густели слои на одном и том же деле, множились этажи здания, росли целые пирамиды сотнею рук. Иные деятели уже погребены были в развалинах или под сводами; Ундольский был загнан и вспоминал после всего с дрожью о «Фараоне»; Афанасьев зачах, едва спасся Виктор, а на свет извлекалось из сооружений сравнительно весьма немного. То, что вышло (с именем князя), весьма добропорядочно, хотя и носит следы разнородного материала, наслоенного сменявшимися умами, а порою как будто увито тысячею пелёнок мумии; во сто раз больше пряталось и погребено потом или в самом же Архиве, или в бумагах князя после его смерти, где сгибло. Наученный опытом и последовательно уже смягчившийся, нас с П.И. Бартеневым князь несколько остерегался, и как-то по своему читал, даже как будто любил, а угнетать слишком – не видел уже расчёта. Со мною лично он был даже добр. Притом же подоспело время непременно выпустить в свет помянутое «Описание» («Книгу избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова») ко дню коронавания нового государя, и это дело, по рисункам уже прежде подготовленным, возложено было на меня. Следовало составить описание рукописи, комментировать, корректировать и отпечатать её текст, а к рисункам приложить разъяснение их археологических подробностей. Собственный наш интерес к древностям Москвы, знакомства с Снегиревым и А. Ф. Вельтманом, новые самостоятельные изыскания – все это помогло успеху (другие сослуживцы „прирабатывали» еще кое-что для издания). По окончании, князь „подписался», „представил», получил значительные дары и отличия; мы стяжали (в качестве перстня) 300 рублей; экземпляры (очень дорогие, в огромном формате и на отличной бумаге) поднесены и разсланы высоким лицам, учреждениям (нам не дано), частью же растеряны и разбиты, остальное также спрятано и погребено в Архиве; в обращении это ценно и

редко. Но мы по крайности не жалеем положенного здесь труда, ибо, хотя и без нашего имени, он увидел свет в некоторой полноте и в печати. Дальнейшего, чего желал от нас князь, именно – доказать „местожительство» древних высоких лиц на Ильинке и Варварке – мы уже не могли и отказались на отрез (по рассмотрении документов). Расставались мы с князем, спустя два года дружелюбно и долго после пользовались постоянно его расположением, поминая и теперь о нём с чувством искренно-добрым, хотя и не в ущерб беспристрастию. После прежних лиц, в сознании своего величия ученого совершенно растерявшихся и растерявших постепенно целое молодое поколение из своих рук, мы в князе встретили неучёного, но который никогда не терялся и всегда был находчив, признавал свои недостатки в глубине души и – умел их пополнять, отыскивая к тому исполнителей. Это диаметрально, хотя бы не совсем привлекательная, противоположность “....

Кроме этого широковещательного свидетельства Безсонова существуют ещё и другие указания на то же, что некоторые работы кн. Оболенского им только подписаны, а принадлежат другим служившим в Архиве лицам (напр. В. М. Ундольскому). Кн. Оболенский был Действительным членом нашего Общества с 1834 г. и довольно деятельным. В одном из заседаний Общества (в Протоколах 1844–1847 гг. нет об этом записи) он выступил с предложением „об издании иностранных сочинений и актов о России в перевод и подлинниках» (черновик этого предложения, весь писанный и исправленный Н. В. Калачевым, сохранился в Архиве). Это предприятие, по словам кн. Оболенского, удостоилось одобрения гг. членов, а в третьей книге «Чтений» Общества за 1847 г. (заседание 25 октября 1847 г.) появился и самый, доклад кн. М. А. Оболенского (стр. I–VIII), в котором излагался план издания, указывалось на некоторые сочинения, перевод коих уже был приготовлен или готовился к печати и пр. (здесь о сочинении Флетчера дважды упоминается: а) оно ставится по значению на первом плане наряду с Герберштейном, Рейтенфельсом и Олеарием; б) говорится, что оно „приготовлено уже к изданию»). Статью свою кн. Оболенский заканчивает следующими словами: „наконец нам приятно также довести до сведения читателей, что некоторые из молодых ученых, основательно знающие иностранные языки, согласились принять участие в нашем издании переводами с находящихся у нас под руками подлинников и что окончательным приготовлением статей к печати и их редакцией будет заведовать Николай Васильевич Калачев и К. М. Оболенский“. В том же 1847 г. появились первые два выпуска сего издания (Шаум, письмо

Радивиля 1564 г. и осада Вепдепа 1579 г.), причем отмеченная статья кн. Оболенского была помещена в 1 выпуске и послужила как бы предисловием ко всему изданию, а в следующем 1848 году вышли еще два выпуска (3-ий и 4-ый)⁴. В апреле 1848 г., посылая экземпляры сего издания А. Ф. Бычкову, князь Оболенский писал: „в этом издании принимают живое и деятельное участие ваш старый товарищ Н. В. Калачев и другие молодые люди, любящие науку и занятия».

Один из выпусков „Иностранных сочинений и актов о России» должен был составить Флетчера (русский перевод вместе с перепечаткой английского текста). 3 марта 1848 г. (за № 112) князь Оболенский писал князю В. Ф. Одоевскому, тогдашнему начальнику Румянцевского Музея:

„Милостивый государь князь Владимир Феодорович,

Препровождая при сем к вашему сиятельству два экземпляра предпринятого мною издания под заглавием: „Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России» для вашего собственного употребления и для библиотеки Румянцевского Музея, обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою, в исполнении которой ваше сиятельство, смею надеяться, не откажете мне, так как мое настоящее предприятие имеет единственную целью доставить средства занимающимся отечественною историею к успешнейшему её обрабатыванию. Просьба моя заключается в следующем. Состоящая при Московском главном Архиве министерства иностранных дел Комиссия печатания государственных грамот и договоров изготовила в последнее время в переводе сочинение Флетчера „Of the Russe-Common-Wealth» 1591 г., в предисловии к коему должна дать обстоятельный отчет обо всех бывших изданиях этого любопытного и в высшей степени важного сочинения. – Не имея однако в Архивской библиотеке *Пухасовых* „Pilgrimes" и *Гаррисовой* „Navigantium atque peregrinantium Bibliotheca», где между прочим помещено также сочинение Флетчера, и зная, что их в Москве достать невозможно, я решился употребить все старания, чтобы получить их на время из Петербурга; почему и обращаюсь прежде всего к вашему сиятельству, как к начальнику библиотеки, особенно богатой сочинениями о России. – Ваше сиятельство крайне меня обяжете высылкою на первый раз 3-го тома Пухасовых «Pilgrimes» Лондонского издания 1625–1626 гг. и Гаррисовой библиотеки. – Сверх того, так как из Истории государства Российского Карамзина (2-го изд. т. X, примеч. 344) известно, что в числе бумаг Британского музея, находившихся в руках канцлера графа Н. П. Румянцева, было донесение, поданное Флетчером Английскому министерству по возвращении его из России в Лондон, из которого историограф приводит даже выписку, то мне бы очень хотелось

знать, находятся ли еще эти бумаги и особенно донесение Флетчера в Румянцевском Музее и в таком случае иметь дозволение вашего сиятельства ими также воспользоваться».... В виду неполучения ответа на это письмо князь Оболенский 5 мая 1848 г. вторично обратился в князю Одоевскому с тою же просьбою, которая на этот раз была исполнена. 22 июля с. г. (за № 358) князь Оболенский благодарил за это князя Одоевского в следующих выражениях: „считаю долгом принести вам искреннейшую благодарность за доставление из Румянцевского Музея в Московский главный Архив Министерства иностранных дел при отношении от 13 мая сего года, за № 73, рукописи под заглавием „Extraits des manuscrits anglais, conserves clans differentes bibliothfcques de 1 Angleterre, conceniant 1'histoir'e de la Russie. O. I. № 135“. Все нужные сведения касательно Флетчера, коего сочинение о России уже почти совсем отпечатано, я нашёл в этой любопытной рукописи, почему и намерен, с вашего позволения, поместить их в виде приложения в конце самого сочинения Флетчера. Предполагая, что этот труд будет окончен к сентябрю месяцу, я надеюсь возвратить вам вашу рукопись весьма в скорое время, и, разумеется, в совершенной целости“. – В октябре эта рукопись была возвращена в Музей.

Итак, русский перевод Флетчера был изготовлен в Московском Архиве Министерства иностранных дел. Кто же именно над ним трудился? Ответ на этот вопрос дает рукопись сего перевода, доселе сохранившаяся в Архиве (в. делах Комиссии печатания государственных грамот и договоров) послужившая в типографии оригиналом для набора. Это последнее обстоятельство (т. е. что она типографский оригинал) свидетельствуется ее внешним видом: тетради разорваны на отдельные листы, которые запачканы пальцами и типографской краской; в одном месте читаем отметку: „всю эту страницу набрать курсивом» и в издании отмеченное место набрано действительно курсивом; в другом месте написано „сбоку» и соответствующие слова действительно напечатаны сбоку. На заглавном листе этой рукописи – типографского оригинала (рукопись в лист, на 248 листах) читаем: «о России в царствование Феодора Иоанновича. Д. Флетчера. Перев. С английского в должности 1-го переводчика Д. Гиппиус». В делах Архива сохранилось и официальное донесение Гиппиуса кн. Оболенскому об этом переводе, поданное в феврале 1845 года: «честь имею представить при сем в двух экземплярах окончанный мною по поручению вашего сиятельства перевод книги Флетчера о России и возвратить подлинную книгу со списком с неё».

Что этот перевод сочинения Флетчера был исполнен Д. И.

Гиппиусом, – свидетельствует и донесение кн. Оболенского государственному канцлеру в марте 1845 г.: „Служащий в Московском главном Архиве Министерства иностранных дел в должности первого переводчика титулярный советник Гиппиус с самого поступления своего в Московский главный Архив всегда оказывал примерное усердие в исполнении возлагаемых на него обязанностей и занимаясь переводами с языков латинского, французского, немецкого и английского во все время служения своего командирован был по требованиям присутственных мест для отобрания допросов по следственным делам от подданных разных европейских держав; а в прошлом году был отряжен в высочайше назначенную комиссию по делу поручика Войкова, где в продолжение нескольких месяцев занимался отобранием допросов от главной обвиняемой великобританской подданной девицы Кларк. И как это, так и подобные сему дела, переводчик Гиппиус, по особенному знанию технических терминов русского, английского и французского судопроизводства всегда исполнял с одобрением начальства. Сверх обязанностей своих по службе Гиппиус по поручению моему много трудился для предполагаемого к изданию сборника под названием «Архив исторических сведений», как сочинением оригинальных статей, так поправкою переводов, изготовленных другими менее опытными в языках чиновниками. Не ограничиваясь сими трудами, Гиппиус сам много переводил и переводит с этою целью. В доказательство этого честь имею представить при сем вашему сиятельству сделанный им по моему поручению перевод с английского весьма важного для Русской истории и чрезвычайно редкого сочинения Флетчера о России в царствование Федора Иоанновича 1591 года, важность которого признал и наш историограф Карамзин, а трудность в переводе разных старинных слов и русских названий можно видеть из его же истории. При всей начитанности старинных русских памятников и со знанием английского языка наш историограф не мог избежать многих ошибок и неточностей. Поэтому перевод Флетчера, по моему мнению, гораздо труднее и важнее всякого оригинального сочинения. В продолжении почти 9 лет переводчик Гиппиус служил без жалования и не получил никакого награждения кроме чина титулярного советника за узаконенную выслугу лет. Для меня было бы чрезвычайно лестно, если бы ваше сиятельство обратили милостивое внимание на труды и заслуги переводчика Гиппиуса и исходатайствовали ему награждение следующим чином коллежского асессора⁵. Таковая милость была бы достойным воздаянием за его усердные труды и послужила бы поощрением в дальнейших занятиях как для него, так и для

других архивских чиновников».

Сведения об этом Гиппиусе дает его формуляр, составленный в 1845 году. „Дмитрий Иванов Гиппиус, 32-х лет, вероисповедания лютеранского. Сын московского купца Ивана Богданова Гиппиуса. Обучась на родительском иждивении разным языкам и наукам, вступил в 1829 году в Императорский Московский Университет, где окончив курс по отделению нравственно-политических наук, удостоен степени кандидата 13 декабря 1833 г. Будучи уволен от оного, 11 ноября 1835 г. определен с разрешения его сиятельства г. вице-канцлера в Московский главный Архив иностранных дел в должность 2-го переводчика для европейских языков в первое отделение. Перемещён в должность переводчика первого 10 ноября 1843 г. По всеподданнейшему докладу государственного канцлера в награду усердной службы всемилостивейше пожалован в коллежские асессоры 14 апреля 1845 г. Женат на дочери Московского купца девице Марье Васильевне Поповой. Имеет сына Александра 6 лет, дочь Екатерину по 2 году. Жена и дети православные". – Через год по окончании перевода Флетчера Гиппиус оставил Архив: 30 апреля 1846 г. он был уволен, согласно прошению, от службы. – Бывший редактор-издатель „Русской Старины» М. И. Семевский в 1888 г. посетил в Москве Гиппиуса и в своих „Путевых очерках, заметках и набросках“ записал следующее: „а вот мы и у Д. И. Гиппиуса (род. 1813 г.); почтенный старец, один из искуснейших юристов старой дореформенной Москвы, кандидат Московского университета, выпуска 1833 г., один из двух оставшихся еще в живых товарищей по выпуску известного публициста А. И. Герцена (одновременно кончили курс в Московском Университете: Д. И. Гиппиус, А. И. Герцен. М. Б. Чистяков, Ф. Кони, И. Я. Горлов, Я. М. Неверов, Вадим Пассек, И. Д. Беляев, Каменский)»^б.

В предисловии к „Иностранным сочинениям и актам, относящимся до России» кн. Оболенский писал, что „окончательным приготовлением статей к печати и их редакцией будет заведовать Н. В. Калачев». Перевод Флетчера, исполненный Гиппиусом, весь проредактирован другим: вся рукопись испещрена поправками (в большей или меньшей мере), которые находятся в полном соответствии с печатным текстом, т. е. перевод напечатан согласно исправлениям. Сличение почерков этих поправок и несомненных автографов Н. В. Калачева показывает, что перевод исправлен был ни кем иным, как Н. В. Калачевым (который поступил в Московский Архив Министерства иностранных дел на службу в 1846 г.). Сохранившаяся часть предисловия к русскому изданию Флетчера (стр. XI) написана небрежным почерком тем же Н. В. Калачевым. Наконец он же

следил и за печатанием и читал корректуру. В Архиве сохранились корректурные листы сочинения Флетчера (предисловие – 2 пол-листа и текст – полулисты 1–4, 6–13), кои все испещрены поправками, сделанными Н. В. Калачевым; на первом полулисте предисловия написано: „прислать еще корректуру. Н. Калачев. 1848 г. авг. 28“; ко второму полулисту сделана значительная вставка, писанная им собственноручно; на 2, 4, 6, 10 и 11 полулистах текста имеются отметки типографские: „г-ну Калачеву“. Кроме того в Архиве имеются также корректурные листы статейного списка Флетчера, которые предназначались, вероятно, к выпуску одновременно с самым сочинением Флетчера⁷, а появились в 8-ой книге Временника Общества. На л. 2, 3 и 5 имеются отметки типографские: «г. Калачеву», а на 5-м кроме того еще следующая запись: „Николай Васильевич благоволите прислать оригинал следующий, ибо нечего набирать! – ?“

Итак, русский перевод Флетчера принадлежит кн. Оболенскому только в том смысле, что он совершен по инициативе, желанию его, как выражается Гиппиус – „по поручению его“; исполнен же он служившим в Московском Архиве Министерства иностранных дел Д. И. Гиппиусом, который перевел все сочинение Флетчера, и Н. В. Калачевым, проредактировавшим весь этот перевод и написавшим к нему предисловие.

Перевод сочинения Флетчера был окончен Гиппиусом и официально представлен князю Оболенскому еще в феврале 1845 (а в следующем году Гиппиус был уже уволен от службы), но к печатанию было преступлено не тотчас: предложение о напечатании его было заявлено в заседаниях Общества 27 сентября и 27 декабря 1847 г. Вскоре после декабрьского заседания и было приступлено к набору. Как видно из сохранившихся (в Обществе) подписных листов, первый лист к печати подписан был О. М. Бодянским 16 января 1858 г., „в пятницу в 4 часа пополудни“, при чем относительно количества печатания им то (О. Бодянским) помечено: „особо столько, сколько и прочего для князя М. А. Оболенского. Спроси Козицына или Логунова о том“. В другом месте (на сводке и последнем подписном листе) встречаем помету: „965“. Эта цифра по типографским обычаям должна бы указывать то, в каком количестве печатался перевод Флетчера для Чтений и отдельных оттисков, т. е. всего для того и другого – 965 экземпляров. Из предложения товарища министра народного просвещения А. Норова попечителю Московского учебного округа от 3 ноября 1853 г., за № 2096, видно, что „экземпляры перевода Флетчера запечатаны бывшим ректором Университета Перевощиковым в сентябре

1848 г., в числе 1765 полных и нескольких листов дефектов». Далее видно будет, что Перевощиковым запечатаны были листы не только русского перевода сочинения Флетчера, но и листы английского оригинала, который тоже был перепечатан. Сопоставляя оба эти известия, нужно думать, что излишние 800 суть листы английского оригинала, т. е. что он был напечатан в количестве (800 экз.) несколько меньшем, чем русский перевод (965 экз.).

Печатание шло довольно скоро: 20 января подписан 2-й пол-лист, 11 февраля – 5-й; в марте шесть пол-листов: 3-го марта – 3, 4 и 6, 13-го – 7-й, 18-го–8-й, 26-го – 9-й; в апреле три: 10 и 11-й 3-го апреля и 12-й – 6-го; 6-го мая – 13-й и 18 сентября конец книги восьмушка 14-го пол-листа⁸.

В сентябре 1848 г. вышла первая книга Чтений Общества четвертого (1848–1849) года; она была роздана членам Общества в заседании 30 сентября 1848 г. (когда присутствовали: председатель гр. С. Г. Строганов, Действ. члены: А. М. Кубарев, Д. Н. Дубенский, И. Д. Беляев, С. М. Соловьев, В. М. Ундольский, П. В. Хавский, Н. В. Калачев, гр. М. В. Толстой и секретарь О. М. Бодянский).

Выход этой книжки послужил началом „истории Флетчера». Покойный Ф. И. Буслаев (близко стоявший к графу Строганову, бывшему с 1836 г. председателем Общества) так рассказывает в своих „Воспоминаниях» о закулисной стороне дела, о тех причинах, которые из этого скромного события сделали громкую „историю» (Вестник Европы 1891 г., ноябрь, стр. 139):

„Издавна граф Строганов был в непримиримой вражде с графом Сергеем Семеновичем Уваровым, и если мог действовать в управлении Университетом и Учебным округом вполне самостоятельно и независимо от его министерских предписаний, то лишь благодаря милостивому расположению, которым всегда пользовался со стороны императора Николая Павловича,– и всякий раз сносился с ним лично, когда не соглашался с распоряжениями министра народного просвещения.

„В 1847 году граф предпринял дать нашим Университетам новый устав, и проект этого устава разослал ко всем попечителям Учебных округов в конфиденциальных циркулярах. Граф Сергей Григорьевич не согласился ни с одним из главных положений нового устава, и свое мнение обстоятельно изложил в письме к государю....

Новый устав провалился. Нестерпимая обида, нанесенная его составителю, вызвала па отмщение. Оно не замедлило»...

Граф Уваров в то время находился в Москве⁹ и о вышедшей книжке Чтений и о содержании сочинения Флетчера ему тотчас же было сообщено

(в Москве упорно тогда говорили, что это было сделано С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным)¹⁰.

Когда „на другой день я, пишет О. М. Бодянский, лично доставил эту книжку министру гр. С. С. Уварову, и не более как через час получил от него запрос: кто дозволил напечатание Флетчерова сочинения? Я отвечал, что это сделано по распоряжению председателя Общества и вместе с тем Московского цензурного комитета, попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова¹¹. Министром написан был всеподданнейший доклад, вследствие коего издания Общества были отданы под цензуру, а должностные лица председатель и секретарь – „наказаны».

Я уже говорил, что переводчик сочинения Флетчера Гиппиус еще в 1846 г. вышел в отставку и последовавшие в 1848 г. меры внушения его нисколько не коснулись. Точно также в стороне от наказания остались – редактор перевода Н. В. Калачев и подписавший предисловие к нему князь Оболенский. Н. В. в 1848 г. был назначен экстраординарным профессором Московского Университета и оставил службу в Архиве.

О князе Оболенском (из дел Архива) видно только, что, после того как разыгралась история с переводом Флетчера, он испросил себе отпуск и отправился в Петербург, быть может, для личных объяснений по этому делу. Из документов Архива, касающихся его, не видно, чтобы последовало для него, что-либо неприятное¹².

Наказания свалились исключительно на голову председателя графа Строганова и секретаря О. М. Бодянского. Первому был объявлен строжайший выговор чрез генерал-губернатора. Академик Никитенко в своем „Дневнике» замечает: „это неслыханный случай с генерал-адъютантом. Говорят, что Закревский не поцеремонился и послал к графу Строганову квартального надзирателя с приглашением явиться к нему для получения выговора». „Получив выговор, граф, пишет Ф. И. Буслаев, тотчас же вышел в отставку и, возбудив этим поступком неудовольствие государя Николая Павловича, с тех пор и до конца его царствования оставался у него в опале, продолжал жить в Москве и редко посещал Петербург и то лишь по своим частным делам». В заседании Общества 27 ноября 1848 г. было заслушано письмо его к секретарю Общества „о том, что имея в виду частые отлучки из Москвы и полагая, что отсутствие председателя может быть не без влияния на ход занятий Общества, его сиятельство слагает с себя звание председателя Общества, коим в то же заседание был избран вице-президент Общества А. Д. Чертков. (Граф Строганов вторично был председателем Общества с марта 1857 г. по

февраль 1874 г.). О. М. Бодянский в своем „Дневнике» передает со слов гр. Строганова следующий разговор, происходивший между графом и импер. Николаем I в самый разгар дела Флетчера, приблизительно в октябре 1848 года. „Бывши у государя, говорит граф Строганов, после обеда я отошел с ним к камину, где, закулив сигарки, он спросил меня:

– Что там ты печатаешь такое?

– „Государь, – отвечал я, – я печатал такое, что всегда готов напечатать. Флетчерово сочинение относится к царствованию Ивана Грозного и сына его Феодора; все худое, замеченное иностранцем о Руси того времени, не относится к нынешней, ничем на нее непохожей. Уваров по личной ко мне вражде решился наделать из этого шуму и представить вашему величеству как нечто зловерное. А я между тем напечатал его в журнале ученого Общества, бывшего под моим председательством, имевшего весьма тесный круг читателей, преимущественно ученых, из коих, когда объявлена была мною на последний год подписка, одних архиереев изъявило желание получать его 33, т. е. из всех, к кому было сделано от меня отношение, только 2 не подписались.

– „Но и архиереям не все можно позволять читать.

– „Так, государь, но если ученым мы будем не позволять знать и худую сторону нашу, тогда и в доброй свет усомнится».

– „Хорошо, хорошо, – подхватил тогда государь, – мы все это уладим скоро и пострадавший от Уварова возвратится непременно на свое место, когда тот не будет более министром; а это, говорю тебе, скоро наступит”.

И точно, ровно через год (20 октября 1849 г.) Уваров не был уже более министром¹³.

„Пострадавший от Уварова» – был О. М. Бодянский. Из профессоров Московского Университета он был переведен в Казанский Университет на ту же кафедру, а Казанский профессор В. И. Григорович был назначен на его место в Москву. Но О. М. не поехать в Казань. „Они перевели меня», говорил он П. Д. Шестакову, бывшему своему ученику, в то время служившему в Тверской гимназии, – «в Казань. Не поеду я, ни за что не поеду. Я сказал попечителю, что лучше соглашусь остаться в Москве приходским учителем, а в Казань не поеду, и не могу ехать: это огорчит и убьет мою старушку-матушку. Она живет себе в своей Малороссии спокойно, знает, что сын её Осип служит в Москве, профессором ли или учителем – ей все равно. Вдруг услышит она, что я переведен в Казань, сейчас ей подумается, что верно её Осип что ни есть нехорошее наделал, – она измучится... Нет, никуда из Москвы не поеду, не доведу матушку до слез»¹⁴. И действительно в Казань он не поехал...

За Бодянского хлопотал граф Строганов, но все эти хлопоты кончились тем, что О. М. вышел в отставку и остался в Москве. Через год (4 декабря 1849 г.) он снова поступил в число профессоров Московского Университета (а Григорович возвратился в Казань), а в 1857 г. был вторично избран в секретари Общества и оставался им до своей смерти, последовавшей в 1877 г.

Щекотливо было во всей этой истории положение В. И. Григоровича. «Он, пишет Ф. И. Буслаев, беспрекословно повинуюсь воле высшего начальства, явился в Москву, но, чувствуя себя в самом ложном положении неповинного орудия, которым карают его товарища по кафедре, не осмеливался начинать свои лекции... Во время своего пребывания в Москве Виктор Иванович находился в самом удрученном расположении духа. И без того он был застенчив и робок, благодушен и деликатен, а теперь, будучи замешан в неблагоприятной интриге у всех на виду, он совестился показаться в люди и упорно избегал всяких знакомств. Единственный человек, с которым он тогда сблизился и даже подружился, был я. В моем кабинете он находил себе самый радушный прием и в откровенной беседе со мною отводил душу от угнетавшей его тоски».

О том, какая судьба постигла самую книжку Чтений (первую за 1848 г.), любопытные сведения находим в письме нашего Действит. члена А. М. Кубарева к известному библиографу И. П. Сахарову 17 февраля 1849 г. из Москвы:

„Вы пишете, что памфлет (перевод сочинения Флетчера) продают у нас открыто? Это едва ли справедливо, и вам вероятно солгали. Выслушайте. Когда министр положил на эту статью запрещение, книжки были уже розданы в предыдущем собрании присутствующим членам, и одно только постороннее лицо получило 1 экз. из конторы „Москвитянина ». После запрещения послан был к нам циркуляр от секретаря, чтобы мы возвратили книжки для вручения графу Строганову.¹⁵ Полагая, что такое требование сообразно воле министра, все члены и возвратили или секретарю, или самому графу книжки, даже и у того постороннего лица граф успел взять. Не возвратили только: 1) Погодин – объявивши, что он получил на это соизволение самого министра. 2) Пудель (В. М. Ундольский) сказал графу, что он истребил эту статью по ненависти к лицу, которым она сообщена, т. е. к кн. Оболенскому – довольно вероятно!!! 3) С Пуделем жил клевет его, литограф (Шелковников). Этот вручил посланному книжку с вырезанною статьею, что узвано достоверно. Когда спросил его граф, то он отвечал, как ожидать надлежало, т. е. знать не знаю, ведать не ведаю. И так если остались кроме сих лиц у кого статьи,

то только у графа, которые он взял у членов и где мог (я слышал, экз. около 30-ти), и вероятно у Бодянского, который печатал, сколько ему было угодно. Итак, если можно кого в продаже подозревать, то разве только Пуделя, его клеветы литографа и Бодянского. Для чего граф удерживал у себя сии книжки, не знаю. Я заговаривал об этом с Чертковым; но он как-то не принимает этого, как должно, вероятно избегал каких-либо личностей. Но это по-моему худо. Попытаюсь поговорить с ним еще“.

Тоже сообщает и О. М. Бодянский в своей записке 1862 г.: „розданные экземпляры членам все возвращены в Общество, в продажу же не поступало решительно ни одного». „Я, пишет гр. Строганов гр. Уварову, немедленно приступил к отбиранию от членов Общества, розданных им экземпляров и чрез 2 дня, кроме 2-х, все находились у меня» (16 ноября 1848 г.). Т. о. экземпляры Флетчера остались только: у Погодина, Ундольского, Шелковникова и у гр. Строганова.

Экземпляры сочинения Флетчера оставлены были на хранение в Университетской типографии. Среди бумаг покойного О. М. Бодянского, входящих ныне в состав собрания А. А. Титова, сохранился между прочим один документ, из коего видно, что в Университетской типографии была пачка, в коей находились: а) 51 экз. перевода сочинения Флетчера, б) 16 экз. „Статейного списка приезда его в Россию, с первым поллистом в начале при каждом экземпляре от предисловия настоящего Флетчера» и в) 2 экз. (перепечатанного) английского подлинника сочинения Флетчера. Пачка эта была расхожая: из неё „по приказанию г. начальника типографии» было вынута: в 1853 г. 8 и 4 экз., в 1854 г. 3 и 2 экз., в 1859 г.—1 и в 1862 г.—2 и 11 экз., а всего 31 экземпляр. „Приказания» начальника типографии отдавались вследствие получавшихся распоряжений „высшего» начальства. Так 3 ноября 1853 г., за № 2096, последовало следующее секретное предложение товарища министра народного просвещения А. Норова попечителю Московского учебного округа: „из дел Главного управления цензуры видно, что в 1-й книжке IV года Чтений Императорского Общества Истории и Древностей Российских помещен был перевод напечатанной в Лондоне в 1591 году книги: о государстве Русском, соч. англичанина Флетчера, и что перевод этот, по распоряжению бывшего министра народного просвещения графа Уварова, исключен из сей книжки немедленно по отпечатании её, а экземпляры оною, в числе 1765 полных и нескольких листов дефектов, запечатаны бывшим ректором Университета Перевощиковым, в октябре 1848 года. Ныне директор Императорской публичной Библиотеки просит о доставлении во вверенную ему Библиотеку 2-х экземпляров сего перевода.

Вследствие сего, я покорнейше прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о высылке в Публичную Библиотеку двух экземпляров вышеозначенного перевода и о сообщении мне вашего заключения: как должно быть поступлено с остальными экземплярами». Г. попечителем на этой бумаге было отмечено карандашом: „ потребовать от ректора доставления двух означенных экземпляров. Секретно¹⁶“.

15 ноября, за № 39, отправлена была попечителем официальная бумага о сем ректору Университета А. Альфонскому, который 25-го ноября и представил попечителю 2 экз. сочинения Флетчера, отосланные последним прямо в Публичную Библиотеку барону М. А. Корфу (28 ноября, за № 40). Один из этих двух экземпляров, очевидно, был предназначен для Библиотеки Московского главного Архива Министерства иностранных дел, куда он был доставлен бароном Корфом, с согласия А. С. Норова, в январе 1854 г¹⁷. .

20 мая 1859 г. „по приказанию исправляющего должность попечителя учебного округа Н. В. Исакова взят был из этой же расхожей пачки 1 экземпляр и отправлен в канцелярию его для доставления к нему под печатью».

В 1860 году О. М. Бодянский, который в декабре 1857 г. снова был избран секретарем Императ. Общества Истории и Древностей Российских, поднял вопрос о выпуске в свет напечатанных листов сочинения Флетчера. Воспользовавшись выходом в 1-ой книге „Библиотеки для Чтения» за 1860 г. статьи Ю. Толстого о Флетчере, он написал в январе 1860 г. письмо председателю Общества графу С. Г. Строганову с просьбой „довести до сведения государя императора это старое дело и испросить у него соизволения на выпуск уже отпечатанного Обществом, разумеется, с пересмотром нынешней цензурой (в Москве) и с приличными оговорками со стороны моей, как секретаря оного... Если ваше сиятельство найдете теперешнее положение дел благоприятствующим для такого представления, истинно окажете не последнюю услугу, как непосредственно Историческому Обществу, так и вообще отечественной истории.... Да и неужели суждено русскому переводу и английскому подлиннику, перепечатанному мною, сгнить в подвалах типографии Московского Университета? Довольно с них и 12-летнего заключения под 12-тью печатями: ведь даже и десятилетняя давность уже прошла».... Граф Строганов согласился ходатайствовать и первоначально дело о выпуске листов Флетчера, очевидно, получило благоприятное направление. „О напечатании Флетчера, отвечал граф Строганов О. М. Бодянскому 3 марта 1860 г., идут переговоры с министром народного просвещения, которому и

сообщено, что предисловие князя Оболенского будет заменено присланным пояснением. Надеюсь, что теперь Петр Евграфович (=Евграф Петрович Ковалевский, министр нар. просвещения) не встретит в цензурном управлении новых затруднений»... Надежде этой не суждено было исполниться: затруднения, неизвестно какие, встретились и Флетчеру не удалось выйти в свет в 1860-ом году...

Но О. М. Бодянский не падал духом и в 1862 г. опять возбудил вопрос о выпуске Флетчера: 22 ноября сего года он подал бывшему тогда министру народного просвещения Головнину следующую записку: „В заседании 30 сентября 1848 года была представлена мною, как секретарем Императорского Общества Истории и Древностей Российских, и роздана присутствовавшим членам только что отпечатанная 1-ая книжка на 3 (=4) год повременного издания его „Чтений», в которой, в отделе „Материалов Иностраных», заключался перевод Флетчера „О государстве Русском» в XVI столетии (английский подлинник, перепечатанный во всей точности, назначалось выпустить в последствии). На другой день я лично доставил эту книжку, случившемуся тогда в Москве, г. министру народного просвещения, графу С. С. Уварову и не более как через час получил от него запрос: „кто дозволил напечатание Флетчерова сочинения?» Я отвечал, что это сделано по распоряжению председателя Общества и вместе с тем Московского цензурного комитета, попечителя Московского учебного округа, графа С. Г. Строганова. И хотя сочинение это было тотчас заменено в книжке другим, а розданные экземпляры его членам – все возвращены в Общество, в продажу не поступило решительно ни одного, тем не менее граф Уваров немедленно довел о том до сведения покойного государя императора, Флетчер был запечатан, а секретарь Общества, по званию профессора Московского Университета, перемещен министром в Казанский Университет. Это заставило меня подать в отставку, в которой и находился я целый год, до выхода из Министерства графа Уварова, преемник коего, князь П. А. Ширинский-Шихматов, тот же час предложил мне возвратиться в Московский Университет, а с 1857-го года Общество Истории и Древностей Российских вторично избрало в свои председатели графа С. Г. Строганова, меня же в секретари, и поручило возобновить издание Чтений».– При записке этой был представлен Головнину и 1 экз. перевода Флетчера. Вероятно этим ходатайством О. М. Бодянского был вызван выпуск из типографии Московского Университета еще 13 экземпляров перевода Флетчера, взятых 20 и 22 ноября с. г. по приказанию попечителя Московского учебного округа для доставления управляющему Министерством народного просвещения¹⁸. И на этот раз

ходатайство о выпуске Флетчера не увенчалось успехом: 5 января 1863 г. (за № 45) Головнин отвечал О. М. Бодянскому: „Рассмотрев полученный от вас в Москве при записке от 22 ноября истекшего года перевод сочинения Флетчера «О государстве Российском» и справившись с подлинным делопроизводством по сему предмету в Министерстве народного просвещения, всеподданнейшими докладами бывшего министра народного просвещения графа С. С. Уварова и резолюциями покойного государя, я не могу в настоящее время, при существовании того же законодательства, разрешить издание помянутого сочинения и полагаю необходимым повременить до издания новых цензурных правил».

Но Головнин не бросил совсем мысли о выпуске перевода сочинения Флетчера. 15 апреля 1864 г. (за № 3443) „вице-директор Департамента народного просвещения обратился к секретарю Общества О. М. Бодянскому о том, что министр народного просвещения поручил ему, вице-директору, просить доставить в Департамент народного просвещения для представления министру, сто экземпляров известного сочинения Флетчера о России, напечатанного Обществом Истории и Древностей Российских в 1848 г. и по некоторым обстоятельствам не выпущенного в свет. Секретарь тотчас отнесся об этом к председателю Общества, графу С. Г. Строганову, с вопросом: как поступить ему в этом случае? Есть ли на то высочайшая воля, по которой экземпляры эти должны храниться запечатанными в самом Обществе, ответственность, за что падает на Общество? Если министр имеет на то высочайшее разрешение, требуемые экземпляры Флетчерова сочинения немедленно будут доставлены в Департамент народного просвещения. Председатель отвечал, от 27 апреля, что он сообщил этот вопрос вице-директору Департамента и вместе с тем послал ему для министра свой экземпляр Флетчерова сочинения; увидевшись же с ним, спросить: на что ему нужен этот запрещенный плод в таком количестве? Затем истребованы были списки членам Общества и подписчикам на его Чтения»¹⁹. – О. М. Бодянский напрасно так встревожился этими бумагами вице-директора Департамента народного просвещения: все это, очевидно, требовалось для начатого им дела о разрешении выпуска перевода сочинения Флетчера. В мае или июне 1864 г. министр народного просвещения Головнин „всеподданнейше докладывал государю императору: не благоугодно ли будет его императорскому величеству разрешить ныне разослать лицам и учреждениям, получающим Чтения Общества, экземпляры перевода сочинения Флетчера, при чем представил экземпляр этого сочинения. Государь император высочайше повелеть соизволил : отмеченные в

помянутом экземпляре места прочесть Комитету министров, чтобы гг. министры решили после того: признают ли они удобным рассылку сей книги²⁰». Вследствие этого высочайшего повеления Головниным в июне 1864 г. внесено было в Комитет министров следующее представление²¹:

„В октябре 1848 года вышла из печати в Москве книжка Чтений Общества Истории и Древностей, в которой, с разрешения председателя Общества графа С. Г. Строганова, помещен был перевод известного сочинения Флетчера о России, напечатанного в Англии в 1591 году.

Случившийся в Москве во время выхода помянутой книжки бывший министр народного просвещения граф Уваров, находя в сочинении Флетчера неодобрительные отзывы о русском правительстве и духовенстве, распорядился остановить выпуск книжки Чтений Общества и вырезать из неё сказанную статью, и приказал запечатать экземпляры сочинений Флетчера, которые до сего времени находятся в таком виде в Московском Университете.

Граф Строганов, объясняя причину дозволения им напечатать перевод Флетчера, излагал: „сочинение Флетчера, писанное в 1588 году, «казалось мне такого содержания, что не одна в нем строка не могла, „ примениться к России нашего времени и что любопытная сатира эта содержит много важного, но только для современной ей истории древней Руси. Сам Карамзин неоднократно изъявлял желание видеть напечатанным этот документ: так он ценил его для эпохи в нем изображенной. Я полагал, что в настоящее время, когда вся Европа с завистью смотрит на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицам духовным не могли казаться соблазнительными несколько резких мест в сочинения, писанном за 300 лет и напечатанном в ученом сборнике».

К сему граф Строганов присовокуплял, что Чтения Общества Истории и Древностей печатаются для весьма тесного круга читателей и расходятся в количестве от 150 до 200 экземпляров.

Вполне соглашаясь с таковым мнением графа Строганова и имея в виду, что со времени распоряжения графа Уварова, которое уже в то время произвело самое прискорбное впечатление, прошло 16 лет, что самые резкие отзывы Флетчера были уже неоднократно перепечатаны в других сочинениях и что Чтения Московского Общества Истории и Древностей получают по прежнему весьма небольшим числом лиц и учреждений, я всеподданнейше докладывал государю императору: не благоугодно ли будет его императорскому величеству разрешить ныне разослать этим лицам и учреждениям экземпляры перевода сочинения Флетчера, при чем

представил государю императору экземпляр этого сочинения.

Государь император высочайше повелеть соизволил: *отмеченные в помянутом экземпляре места прочесть Комитету министров, чтобы и министры решили после того: признают ли они удобным рассылку сей книги.*

Во исполнение таковой высочайшей воле имею честь представить при сем: 1) перевод сочинения Флетчера, 2) особую записку (прил. № I), в которой выписаны помянутые, отмеченные места, и 3) список (прил. № II) лиц и учреждений, получающих в нынешнем году Чтения Общества Истории и Древностей, и считаю долгом объяснить, что я с своей стороны не вижу никакого неудобства разослать этот перевод поименованным лицам и учреждениям, как по сущности самого сочинения Флетчера, весьма известного всем нашим ученым и описывающего Россию XVI века, так и потому, что резкие суждения его были напечатаны уже в других книгах с разрешения цензуры, и что во многих сочинениях весьма благоразумно допускались цензурой отзывы даже более резкие о временах более к нам близких. Должно вообще сказать:

1) что сочинение Флетчера подвергнулось запрещению в то время, когда правительство следило строго за обнародованием документов, относящихся даже к древней России, содержание которых отличалось обличительным характером. Но с тех пор обстоятельства совершенно изменились. Если теперь обнародован процесс царевича Алексея Петровича и многие документы, выставляющие мрачные стороны правления Петра Великого, то не существует причины хранить под спудом книгу Флетчера, изображающую царствование Иоанна Грозного.

И 2) эпоха, изображенная в упомянутой книге, до такой степени знакома, во всех своих подробностях, образованной русской публике, что суждения Флетчера не представляют для неё ничего особенно нового. В наше время не в ученых только, но даже в беллетристических произведениях (например в романе графа Толстого: князь Серебрянный) высказаны были о характере Иоанна Грозного и о различных мерах его управления такие резкие, беспощадные приговоры, которые нисколько не уступают приговорам английского писателя XVI века.

Подписал: Министр народного просвещения *Головнин.*

Приложение № I

На стр. 12 и 13 Флетчер говорит об Иоанне Грозном: „Иван Васильевич часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови. Это видно из слов его, сказанных одному англичанину, именно его золотых дел мастеру. Царь велел ему хорошенько смотреть за весом. «Русские мои все воры», (сказал он). Мастер, слыша это, взглянул па царя и улыбнулся. Тогда царь, человек весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чему он смеется. «Если ваше величество простите меня „(отвечал золотых дел мастер), то я вам объясню. Ваше величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский. Я так и думал (отвечал царь), но ты ошибся: „я не русский, предки мои германцы...»

Не вдаваясь в спор о том, до какой степени справедливо это показание Флетчера, следует заметить, что это место целиком напечатано уже на русском языке в VII томе Истории России С. Соловьева (стр. 219). Кроме того мнения об отсутствии в Иоанне любви к родине много раз высказываемы были свободно в нашей литературе. Примером могут служить следующие отрывки из статьи Ю. В. Толстого, напечатанной в Русском Вестнике: „весь ход переговоров с Бауссом обличает в Иване Васильевиче отсутствие всякой мысли о выгодах своих подданных, одну заботливость об удовлетворении своих прихотей... Для этого (чтобы жениться на родственнице английской королевы) он готов был пожертвовать всем, даже тремя венцами, которые так пышно выставлял на показ послам, и, оставив царство, захватить свою казну и плыть в Англию..."(См. Русск. Вестник 1861 г. ноябрь. Последнее посольство кор. Елизаветы к Ивану Васильевичу, стр. 31, 32).

На стр. 17 Флетчер говорит: „Оба класса, дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу, суть ничто иное как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки, как видно из средств, употребляемых к обогащению казны и способов взимания налогов...» (стр. 17).

Во многих сочинениях и статьях, напечатанных у нас с разрешения цензуры, говорится то же самое. Так напр. в статье М. П. Полуденского, напечатанной в Русск. Вестнике 1860 г., между прочим, сказано: „... Если кто

из русских умирает без наследников в мужеском поколении, то его имение поступает к царю. Если какой богатый человек, по болезни или

летам, не может отправлять государственной службы, его лишают имения и дают ему с семейством на прожитие небольшой пенсией.... Доходы царя состоять из сборов; в каждом городе есть кабаки, которые царь отдает на откуп, а иногда в награду кому-нибудь из сановников за хорошую службу, и на это время этот сановник делается властелином города, грабит, сколько ему хочется, пока не разбогатеет, тогда царь посылает его на войну на награбленные деньги; поэтому то вести войну русскому царю обходится весьма дешево...» (См. Русск. Вестник 1860 г. апрель, Русская История Мильтона стр. 535).

Слова Флетчера на стр. 18: «...», Кроме своей думы царю не с кем советоваться о предметах, по которым уже предварительно сделано было постановление, за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему царя, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, потворствуют ему чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его» (стр. 18).

Это место ни в каком случае не должно служить поводом к запрещению сочинения Флетчера. Он хотя и старается тут очернить русское правительство XVI столетия, однако свидетельствует о высоком достоинстве тогдашних русских царей и народа, именно об их глубоком религиозном чувстве и полной преданности церкви и её служителям.

Слова Флетчера на стр. 29: «... Но угнетение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться, имея еще некоторые средства, чтобы избежать их, или же от них освободиться, равно как и тому, каким образом цари, утвердившись в настоящее время на престоле так прочно, могут довольствоваться прежним правлением, соединенным с столь явною несправедливостью и угнетением их подданных, тогда как сами исповедуют веру христианскую» (стр. 29).

Во многих наших не только исторических сочинениях, но и журнальных статьях, печатались и печатаются с дозволения цензуры суждения гораздо более резкие, чем вышеприведенное, напр.: Жалкие картины невежества, разврата, притеснений, дикости, встречающиеся не в виде незначительных исключений, а как нормальные явления, поражают нас не только в первые, но и в последующие времена „Московской централизации....». „Грозный представляет нам в своем лице едва ли не

единственный во всех возможных историях образец этого нравственного безобразия своего века, это сочетание ханжества с попранием всякой религии, с самыми отвратительными оргиями разврата и убийства. Но Грозный извинял свое зверство тем, что он имел дело с зверями. Значит Грозный понимал истинное достоинство благочестия и добродетели лиц его окружавших. Люди, стоявшие подле его престола, были в собственном смысле звери...» (См. Современник ноябрь 1860 г. Русск. Литер, стр. 69 к 75). Подобных резких мест весьма много и в Истории Карамзина (см. т. IX гл. III и др.).

Слова Флетчера на стр. 29–30: „...Ни дворянство, ни простой народ не имеют возможности отважиться на какоенибудь нововведение до тех пор, пока войско будет единодушно и беспрекословно подчинено царю и настоящему порядку вещей; а оно, очевидно, должно быть усердно к своей должности, как по самому свойству солдат, так и потому, что они пользуются всюду полною свободою обижать и грабить простой народ по своему произволу, что им нарочно дозволено для того, чтобы им нравилось настоящее положение дел. Заговора между войском и простым народом опасаться также нельзя, потому что их интересы слишком между собою различны и противоположны. Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большею частью, желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может избавить его от ига такого тиранского правления“ (стр. 29–30).

Замечания Флетчера об отношениях войска к народу и правительству вполне справедливы: такие отношения в XVI столетии существовали не только у нас, но и во всей Европе. Что касается до последнего замечания о желании будто бы народом вторжения какой-нибудь внешней державы, то суждение это, очевидно ложное, объясняется тем обстоятельством, что в XV и XVI столетиях многие русские люди, даже некоторые князья Рюрикава дома (Вяземские, Новоспльские, Воротынские, Бельские и проч.), чтобы избежать тиранства и жестокостей Московских царей, часто уходили в Литву и переходили в подданство великих князей Литовских.

На стр. 36 Флетчер приводит следующий анекдот: „– покойный царь Иван Васильевич обыкновенно говаривал, что народ сходен с его бороною: чем чаще стричь ее, тем гуще будет она расти, или с овцами, которых необходимо стричь, по крайней мере, один раз в год, чтобы не дать им обрасти шерстью». Но этот анекдот приведен в русском переводе и напечатан с разрешения правительства уже 40 лет тому назад, в 411 примечании к X тому Истории гос. Росс. Карамзина (см. изд. Эйнерлинга кн. III, примеч. к X тому стр. 74).

Далее на стр. 42 и 75 у Флетчера читаем: „.... Простолюдины не отличаются никаким даже ремесленным производством, тем менее в науках или какими либо сведениями в литературе, от коих так точно, как и от всех воинских упражнений, их с намерением стараются отклонить, для того, чтобы легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся; и чтобы они не имели ни способности, ни бодрости решиться на какое либо нововведение. С тою же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями...»

...Будучи сами невежественны во всем, они (духовные) стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестье. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти. В этом случае они правы, потому что человеку разумному и мыслящему, еще более возвышенному познаниями и свободным воспитанием, в высшей степени трудно переносить принудительный образ правления. Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок, и здесь была основана типография с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию. Но вскоре дом ночью подожгли, и станок с буквами совершенно сторел, о чем, как полагают, постаралось духовенство».

Эти места также не могут служить причиной запрещения Флетчерова сочинения, потому что они неоднократно уже были приводимы в изданных с дозволения цензуры русских сочинениях. Так первый отрывок почти целиком приведен у Карамзина в томе X главе IV (см. издание Эйнерлинга кн. III стр. 146); второй же отрывок приведен также в извлечении у Карамзина в томе IX гл. I (изд. Эйнерлинга кн. III стр. 28) и у Соловьева (том VII, стр. 259).

Флетчер рассказывает следующее о Николе Блаженном (стр. 80): „Был еще один такой же, пользовавшийся большим уважением в Пскове (по имени Никола Псковский), который сделал много добра в то время, когда отец нынешнего царя пришел грабить город, вообразив, что замышляют против него бунт. Царь, побывав прежде у блаженного на дому, послал ему подарок, а святой муж, чтобы отблагодарить царя, отправил к нему кусок сырого мяса, между тем как в то время был у них пост. Увидев это, царь велел сказать ему, что он удивляется, как святой муж предлагает ему есть мясо в пост, когда святая церковь запрещает это. „Да разве Ивашка думает,

сказал Никола, что съесть постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько людского мяса, сколько он уже съел?» Угрожая царю, что с ним случится какое-нибудь ужасное происшествие, если он не перестанет умерщвлять людей и не оставит город, он таким образом спас в это время жизнь множеству народа».

Рассказ этот находится слово в слово у Карамзина (т. IX, 90 прим. 298). О жалком состоянии образования монахов и вообще духовенства Флетчер выражается таким образом (стр. 79): „О степени просвещения монахов можно судить по епископам, которые суть самые избранные лица из всех монастырей. Я говорил с одним из них в Вологде и (желая испытать его знания) дал ему священное писание на русском языке, открыв первую главу Евангелия св. Матфея. Он принялся читать весьма хорошо. Тут спросил я его прежде всего: какую часть Св. Писания он прочел теперь? Он отвечал, что не может сказать наверное. Сколько было евангелистов в „Новом Завете? По его мнению, 12. Каким образом надеется он быть спасенным? На этот вопрос отвечал он мне, сообразно учению Русской церкви, что не знает еще, будет ли спасен или нет, но что если Бог пожалует или помилует и спасет его, то он будет этому очень рад, а если же нет, то нечего делать. Я спросил его: для чего он постригся в монахи? Он отвечал: для того, чтобы покойно есть хлеб свой. Вот просвещение русских монахов, о которых хотя и нельзя судить по одному человеку, но по невежеству его можно отчасти заключить и о невежестве прочих.

Не один Флетчер жаловался на невежество нашего духовенства; гораздо позднее его Посошков в сочинении своем, давно уже известном русской публике, сообщает по этому поводу (стр. 18 и 19) точно такие же анекдоты, как и английский писатель.

„И послать, говорит он, ко всем архиереям, дабы ни единого ставленника без свидетельства учительского во пресвитерство не посвящали. Понеже архиерейские служители у новоставленников приемлют дары и приняв дары дадут ему затвердить по Псалтыри некоторые псалмы и заложа дадут при архиерее тому ставленнику прочести.... В Новеграде видел я прошлого 720 года новоставленника Иакова во дьяконстве; на литургии не мог единые страницы в Евангелии прочесть, еже бы разов пяти – шести не помешатися.»

О том же самом находим мы свидетельство в источнике, который невозможно заподозрить, а именно в послании Новгородского архи епископа Геннадия, относящемся к концу XV и началу XVI века (Акт. Истор. I, 147). В послании этом читаем мы следующее место: «а и

приведут ко мне мужика (дело идет о священниках и диаконах), и аз велю ему Апостол дати чести и он не умеет ступити, и аз велю ему Псалтыря дати, и он по тому едва бредет».

Вообще жалобы на невежество нашего духовенства не только до Петра Великого, но и в его царствование, слышатся непрерывно и это нисколько не должно удивлять нас, если вспомним, что до XVII века не существовало почти вовсе школ в России.

**Приложение № II. Список лиц и учреждений,
получающих в 1864 г. „Чтения в Императорском
Обществе Истории и Древностей Российских при
Московском Университете».**

	По Безденежно подписке
1. Почетные члены	
Филарет, митрополит Московский и Коломенский	1
Строганов, граф Сергей Григорьевич	1
Норов, Авраам Сергеевич	1
Кеппен, Петр Иванович	1
Вяземский, князь Петр Андреевич	1
Ковалевский, Евграф Петрович	1
Исаков, Николай Васильевич	1
Мацевский, Вячеслав Александрович, в Варшаве	1
Эрбен, в Праге Чешской	1
2. Действительные члены	
Снегирев, Иван Михайлович	1
Строев, Павел Михайлович	1
Погодин, Михаил Петрович	1
Вельтман, Александр Фомич	1
Оболенский, князь Михаил Андреевич	1
Кубарев, Алексей Михайлович	1
Иванов, Петр Иванович	1
Бодянский, Осип Максимович	1
Корш, Евгений Федорович	1
Соловьев, Сергей Михайлович	1
Беляев, Иван Дмитриевич	1
Унидольский, Вукол Михайлович	1
Толстой, граф Михаил Владимирович	1
Шипов, Сергей Павлович	1
Забелин, Иван Егорович	1
Афанасьев, Александр Никол	1
Буслаев, Федор Иванович	1
Лешков. Василий Николаевич	1

Беляев, Илья Васильевич	1
Бессонов, Петр Алексеевич	1
Закревский, Николай Васильевич	1
Майков, Аполлон Александрович	1
Филимонов, Георгий Дмитриевич	1
Даль, Владимир Иванович	1
Левшин, Дмитрий Сергеевич	1
Диев, Михаил Яковлевич	1
Максимович, Михаил Александрович	1
Горский, Александр Васильевич	1
Казанский, Петр Симонович	1
Клеванов, Александр Семенович	1
Макарий, архимандрит	1
Смирнов, Сергей Константинович	1
Бычков, Афанасий Федорович	1
Арсеньев, Константин Иванович	1
Гильфердинг, Алексей Федорович	1
3. Соревнователи	
Басалаев, Николай Никифорович	1
Шелковников, Иона Тихонович	1
Молнар, Иван Иванович	1
Хмельницкий, <u>Александр Иванович</u>	1
Полуденский, Михаил Петрович	1
Савва, епископ Можайский, викарий Московский	1
Штейнберг, Дмитрий Иванович	1
Геннади, Григорий Дмитриевич	1
Чистович, Иларион Алексеевич	1
Иларий, иеромонах	1
Шемякин, Алексей Николаевич	1
4. Временные сотрудники	
Профессоров	4
Писателей	5
5. На основании цензурного устава	
Императорская Публичная Библиотека	1
Императорская Академия Наук	1
Министерство Народного Просвещения	1
Гельсингфорский Университет	1
Московский Публичный Музей	1

6. По определению Общества:		
Министр Народного Просвещения		1
Московский Университет		1
Московская Патриаршая (Синодальная)		1
Библиотека		
Симбирская Карамзинская Публичная		1
Библиотека		
7. Учреждения		
а) Общества		
Императорское Археологическое	В обмен	1
Общество	изданиями.	
Одесское Общество Истории и		1
Древностей		
Археографическая Коммиссия		1
б) Редакции		
Журнала Министерства Народного	В обмен	1
Просвещения	изданиями.	
Журнала Министерства Юстиции		1
Газеты „Северная Почта»		1
Журнала „Христианское Чтение»		1
Журнала „Православный Собеседник“		1
в) Академии и другие учреждения		
Николаевская Военная Академия	–	1
Киевская Духовная Академия	–	1
Духовный собор Киево-Печерской лавры	–	1
Курский Губернский Статистический		
Комитет	–	1
Г) Университеты		
Казанский	–	1
Св. Владимира	–	1
Ряшельевский лицей	–	1
Гимназии		
Одесская 2-я	–	1
Кронштадтская	–	1
Костромская	–	1
Пензенская	–	1
Нежинская	–	1
Полтавская	–	1
Ровенская	–	1

Казанская 2-л е) Семинарии	–	1
Ярославская	–	1
Самарская	–	1
Библиотеки		
Казанского Университета	–	1
Университета св. Владимира	–	1
1-й Московской гимназии	–	1
Нижегородского Александровского Дворянского Института	–	1
Московского 1-го Кадетского Корпуса	–	1
Орловскоаго Бахтина Кадетского Корпуса	–	1
Михайловского Воронежского Кадетского Корпуса	–	1
Воронежская Публичная Библиотека	–	1
Тверская Публичная Библиотека	–	1
Московского Английского клуба	–	1
Черткова	–	1
8. По подписке:		
Его императорское высочество государь Наследник Цесаревич	–	1
Аркадий, архиепископ Олонецкий	–	1
Его превосходительство <u>К. П.</u> <u>Победоносцев</u>	–	1
Профессор Харьковского Университета Н. А. Лавровский	–	1
Учитель Владимирской гимназии Розов	–	1
Профессор Московской Духовной Академии Соколов	–	1
Дмитрий Иванович Иловайский	–	1
Генерал – лейтенант С. Н. Тиньков, в Калуге	–	1
Полковник Ден. Ден. Давыдов, в Курске	–	1
Князь Н. А. Лобанов-Ростовский, в Туле	–	1
И. А. Ефремов, в С.-Петербурге	–	1
Граф Виктор Никитич Панин, в С.- Петербурге	–	1
Его высокоблагородие А. Ив. Брошцвий, в Керенске, Пензенской губернии	–	1

Н. Л. Жемчужников, в Козельске, Калужской губернии	–	1
П. О. Бурачков, в Херсоне	–	1
Д. И. Устругов, в С.-Петербурге	–	1
Я. Я. Фейгин, в С.-Петербурге	–	1
Ф. О. Плигин, в Вольске, Саратовской губернии	–	1
П. Е. Плонский, в Цареве, Астраханской губернии	–	1
Тайный советник А. Фадеев, в Тифлисе	–	1
Его высокоблагородие И. Дм. Мизко, в Новомосковске, Екатеринославской губернии	–	1
Соборная Воскресенская <u>церковь</u> , в Омске	–	1
Его превосходительство Григорий Владимирович Кондоиди, в Тамбове	–	1
Харьковский книгопродавец Апарин	–	1
Ив. А. Михайлов, в Москве	–	1
Князь Ив. Ал. Лобанов-Ростовский, в Москве	–	1
Полковник Хрущов	–	1
Князь Н. П. Мещерский	–	1
Козьма Терентьевич Солдатенков	–	1
Иван Александрович Александров	–	1
Борис Сергеевич Шереметев, в Москве	–	1
Полковник Веригин, в Москве	–	1
Книгопродавец Салаев, в Москве	–	1
Книгопродавец Черенин, в Москве	–	1
Книгопродавец А. И. Глазунов	–	2
Князь А. А. Голицын, в Москве	–	1
Его высокоблагородие В. С. Требинов, в Москве	–	1
Г. Бочаров, в Москве	–	1
Генерал лейтенант С. П. Бутурлин	–	1
Г. Волков, в Москве	–	1
Его высокопревосходительство Сергей Павлович Шипов, в Москве	–	1
Сенатор Лебедев, в Москве	–	1
	–	1

Почетный гражданин В. И. Боснин		
Граф Алексей Сергеевич Уваров	–	1
Книгопродавец Черенен, в Москве	–	2
Н. И. Створоженко, в Москве	–	1
Его превосходительство почт-директор Кожухов, в Москве	–	1
Его превосходительство Н. В. Сушков	–	1
Михаил Николаевич Лонгинов	–	1
<u>Николай Петрович Ермолов</u> , в Жиздре, Калужской губернии	–	1
Книгопродавец Базунов, в С.-Петербурге	–	1
Сенатор Колебякин, в Москве	–	1
Г. Щебальский. в Москве	–	1
Граф Бобринский, в Москве	–	1
Итого	81	98
Всего 179 экз.		
Из того числа получают:	14 экз.	
Духовные лица и учреждения	34 экз.	
Публичные библиотеки и библиотеки разных ученых и учебных учреждений и ученых обществ	21 экз.	
Высшие сановники	61 экз.	
Профессоры и известные ученые и писатели	3 экз.	
Редакции правительственных повременных изданий	22 экз.	
Книгопродавцы	24 экз.	
Другие частные лица		
Итого	179 экз.	²²

Кроме указанных в представлении Головнина „соблазнительных“ мест Комитет министров нашел еще новые. Представление Головнина заслушано и обсуждалось в заседаниях Комитета 30 июня и 7 июля и в журнале его (№ 468) читаем следующее:

„III ²³. Независимо от отмеченных в сочинении Флетчера и относящихся до правительства и духовенства мест, о которых представлены статс-секретарем Головниным объяснения, заслуживают особого внимания некоторые отзывы Флетчера о Православной церкви, её догматах и обрядах.

В сочинении своем Флетчер, между прочим, объясняет:

1. „Из англичан, с тех пор как они начали приезжать сюда, не было ни одного, который бы до того забыл Бога, свою веру и отечество, чтобы решился перекреститься в русскую веру по страху ли, предпочтению, или по каким-либо другим причинам, кроме одного Ричарда Рельфа, который, занимаясь прежде безбожно торговлею, как содержатель кабака (вопреки тамошним постановлениям), и будучи лишен права торговать, между тем как царские чиновники отняли у него все имущество, сам перешёл в прошедшем году в русскую веру; перекрестившись, живет он теперь также идолопоклонником, как прежде был человеком развратным и мотом»

2. „Русские отступают от постановлений Христовых и обряды прибавили сами от себя, или же заимствовали у греков».

3. „Русские дошли до ужасного идолопоклонства, притом самого грубого и невежественного, состоящего в том, что они с таким же благоговением чествуют свой образ, как бы самого Бога, принося им молитвы, благодарения, жертвы, или поклоняясь им до самой земли и ударяя об нее головою. Так как все эти почести они оказывают только образу святого, а не самому его изображению, то говорят, что поклоняются не идолу, а святому в его образе и от того нисколько не оскорбляют Бога, забывая заповедь Господню, которая запрещает творить кумир и всякое подобие для того, чтобы ему поклоняться, или вообще для какого бы то ни было употребления».

4. „Входя куданибудь в дом, где всегда на стене висит образ, они (русские) перед ним крестятся и делают поклон. Приступая к какому либо делу ничтожному или важному, вооружаются они прежде всего знамением креста, и это также вся молитва их Богу за успех в деле. Таким образом, они служат Богу крестным знамением только в следствии невежественного и пустого обычая, нисколько не понимая, что значит крест Христов и сила этого креста».

5. „Святая вода у них в таком же употреблении и уважении, как у папистов, но превосходят они их еще тем, что не только в сосудах святят воду, но во всех их реках однажды в год».

6. „У них есть образ Христа, который они называют нерукотворенным (что значит сделанный без помощи рук), веря рассказам своих попов и преданию. Образ этот они носят с собою в крестные ходы на длинном шесте, в особенной киоте и поклоняются ему, как великой тайне».

7. „Посты соблюдают они не по какому-либо предписанию, а по одному суеверию».

8. „При похоронах у них существует также множество суеверных и языческих обрядов, как например: они кладут в руки покойнику письмо к

св. Николаю, которого почитают главным своим заступником и стражем врат царства небесного».

9. „Есть еще у них (русских) много других пустых и суеверных обрядов, о которых и долго и скучно было бы рассказывать. Из всего этого можно судить, как далеко отстали они от истинного познания и исполнения обязанностей христианской религии, променяв Слово Божие на свои пустые предания и превратив все во внешние и смешные обряды без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения».

По выслушании этого дела, между членами Комитета произошло разномыслие.

Десять членов (генерал-адъютант Милютин, инженер-генерал-лейтенант Мельников, генерал-адъютант Зеленой, статс-секретари: Валуев и Головнин, тайный советник Замятнин, генерал-адъютант Краббе, статс секретарь Платонов, тайный советник Небольсин и генерал-майор Потапов) находят, что резкие и неблагоприятные отзывы о России, написанные в XVI веке иноверцем и иностранцем Флетчером, не могут быть в настоящее время оскорбительными для правительства и духовенства, тем более, что подобные отзывы были неоднократно уже помещаемы с разрешения цензуры не только в ученых сочинениях, но и в разных периодических изданиях. Посему и принимая во внимание, что сочинение Флетчера составляет для лиц, занимающихся отечественною историею, весьма любопытный документ о взгляде иностранцев на Россию XVI века, а равно удостоверение министра народного просвещения, что Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских рассылаются в самом ограниченном числе, не более 200 экземпляров, преимущественно ученым учреждениям и обществам, профессорам и другим заслуживающим доверия лицам, 10-ть членов полагают: разрешить рассылку хранящихся при Московском Университете запечатанными экземпляров перевода сочинения Флетчера, тем местам и лицам, кои получают Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских. При этом 10-ть членов признают необходимым, в видах предупреждения излишнего распространения означенного сочинения между лицами недостаточно развитыми образованием и для отвращения превратных толкований, постановить, чтобы перевод сочинения Флетчера о России не был отнюдь перепечатываем и чтобы о сем сочинении не было пропускаемо цензурою никаких критических статей и рассуждений.

А председатель и 4 члена (статс-секретарь граф Панин, генерал-адъютанты Чевкин и барон Фредерикс и обер-форшнейдер Муханов)

усматривают, что в сочинений Флетчера кроме неодобрительных отзывов о Русском правительстве и духовенстве XVI столетия, о которых упоминает статс-секретарь Головнин в своем представлении, помещены также в высшей степени оскорбительные и ложные замечания о Православной церкви, её догматах и обрядах. Посему и имея в виду, что догматы и обряды Православной церкви в настоящее время те же самые, какие были в XVI веке, председатель и 4 члена признают издание перевода сочинения Флетчера совершенно неудобным и несогласным с законами империи, воспрещающими обращение в публице каких бы то ни было сочинений, порицающих Православную веру.

Что же касается предположения об издании перевода сочинения Флетчера в ограниченном числе экземпляров с рассылкою его только лицам и учреждениям, получающим Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских и с воспрещением перепечатывать означенный перевод и подвергать его публичному обсуждению и разбору, то председатель и 4 члена находят, что Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских получают в числе прочих некоторыми книгопродавцами, и что всякое ограничение при издании служит ясным доказательством сознания самим правительством вреда, могущего произойти от распространения такого сочинения в публице. Подобная мера ограничения, по мнению председателя и 4 членов, может только искусственным образом придать интерес чтению сочинения, распространение которого само правительство признает неуместным.

Вследствие сих соображений, сознавая вред от издания перевода сочинения Флетчера о России и не усматривая при том решительно никакой пользы от распространения означенного сочинения, изданного на английском языке, председатель и 4 члена полагают: хранящиеся при Московском Университете экземпляры перевода сочинения Флетчера не рассылать лицам, получающим Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских, воспретив и на будущее время издание сего сочинения на русском языке.

Такое разномыслие Комитет повергает на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества, поднося вместе с сим печатный экземпляр сочинения Флетчера о России.

На подлинном журнале Комитета его императорскому величеству благоугодно было в Красном селе 13 июля 1864 г. собственноручно начертать: „исполнить по мнению меньшинства».

Это высочайшее повеление немедленно было сообщено (16 июля с. г., за № 40) министром народного просвещения управляющему Московским

учебным округом в следующем „секретном предложении»: -государь император, вследствие представления моего в Комитет министров о рассылке лицам, получающим Чтения Московского Общества Истории и Древностей, хранящихся в этом Обществе с 1848 г. запечатанными экземпляров перевода сочинения Флетчера о России, высочайше повелеть соизволил, согласно мнению председателя и четырех членов, не рассылать этих экземпляров. Получив об этом уведомление управляющего делами Комитета министров, прошу ваше превосходительство истребовать из Общества Истории и Древностей все имеющиеся в оном экземпляры помянутого перевода и неотлагательно доставить оные, при конфиденциальном отношении, в Департамент народного просвещения». Предложение это было получено в Москве 23 июля и в виду отсутствия О. М. Бодянского из Москвы (командированного с ученою целью за границу) попечитель Учебного округа тогда же (23 июля, за № 2301) обратился к библиотекарю Общества В. М. Ундольскому с просьбой „доставить неотлагательно все имеющиеся в Обществе экземпляры перевода сочинения Флетчера для отсылки в Департамент народного просвещения». Последовал ли и какой ответ от В. М. Ундольского – неизвестно, но только экземпляры перевода сочинения Флетчера не были отосланы в Петербург, и Департамент народного просвещения 1 сентября, за №44, по приказанию министра, снова обратился с секретным предложением к попечителю Московского учебного округа „об ускорении доставлением экземпляров перевода сочинения Флетчера». Попечитель 18 сентября, за №2898, уведомив министра о причине недоставления экземпляров перевода сочинения Флетчера, писал, что „ныне со возвращении его (О. М. Бодянского) в Москву я предложил ему немедленно доставить экземпляры означенного сочинения». Тогда же (19 сентября за № 2904) попечитель предложил О. М. Бодянскому „немедленно распорядиться отсылкою в Департамент народного просвещения экземпляров сочинения Флетчера о России». Вероятно еще до этого О. М. Бодянскому было отдано подлинное секретное предложение министра народного просвещения от 16 июля, за № 40, потому что того же 19 сентября канцелярия попечителя просила О. М. Бодянского возвратить его, так как „в бумаге этой представляется крайняя надобность». На записке правителя канцелярии попечителя О. М. Бодянский написал: „возвращаю при сем, но я болен и не могу никуда выходить». О. М. Бодянский тогда же довел об этом новом требовании министра народного просвещения председателю Общества графу С. Г. Строганову, причем заметил, что из отношения министра народного просвещения усматривается им: 1) что высочайшая воля относится только

к нерассылке перевода Флетчерова сочинения о России, отнюдь же не к истребованию и немедленному препровождению в Департамент народного просвещения экземпляров оного, которые, вследствие высочайшего повеления, состоявшегося в 1848 году, должны храниться запечатанными в самом Обществе; 2) прежде чем приступить к отправлению их, необходимо сделать известным таковое распоряжение министра народного просвещения ему, председателю Общества, графу С. Г. Строганову (сопровождающему теперь государя наследника в его заграничном путешествии), непосредственно заинтересованному в этом, потому что перевод сочинения Флетчера был напечатан с его разрешения, как председателя Общества и Московского цензурного комитета по званию попечителя Московского учебного округа; 3) по получении же от него ответа, тотчас созвать Общество, для сообщения ему требования министра; 4) без этого никак нельзя приступить к препровождению упомянутых экземпляров; в противном случае Общество может подвергнуться ответственности за нарушение высочайшего повеления; 5) это требование должно быть, как все вообще требования подобного рода, по уставу Общества, непременно занесено в протокол, который всегда печатается, как в журнале Общества, „Чтения», так равно и в „Московских Ведомостях». Без сомнения, это снова возбудит толки в публике о давно забытом уже гонении на этого несчастного англичанина, пойдут догадки и распросы, в силу чего, кем и с какою целью поднято опять преследование после 15-летнего затишья и пр., и пр. – Между тем Департамент народного просвещения, не получая экземпляров перевода сочинения Флетчера, предложениями 1 сентября и 7-го октября (за №51) просил попечителя Учебного округа об ускорении высылкой их в Департамент. На последней бумаге попечителем отмечено: „прошу Осипа Максимовича доставить докладную записку, о которой вчера говорили, вследствие нового сего требования. 13 октября. На вторую бумагу О. М. Бодянский ответил 14-го октября, что, до получения отзыва от председателя, он на то сам не может решиться. „Наконец пришло письмо от председателя из Дармштадта от 5 октября, в коем уведомляет, что он тотчас же, по получении письма О. М. Бодянского от 19 сентября, писал министру народного просвещения держаться высочайшего повеления 1848 года и не возбуждать новых толков о давно забытом гонении на Флетчера, прося его сообщить попечителю Московского учебного округа о должном распоряжении, после получения своего письма». 12 октября 1864 г., за № 8813, министр народного просвещения уведомил попечителя Московского учебного округа, что „вследствие письма к нему графа Строганова, он

находит возможным оставить в Обществе, впредь до особого высочайшего повеления, запечатанные экземпляры сочинения Флетчера о России». 24 октября, за №3339, попечитель сообщил об этом О. М. Бодянскому.

На этом прекращаются наши сведения о переводе сочинения Флетчера. Куда девались напечатанные чистые листы – неизвестно: их нет ни в Обществе, ни в типографии Императорского Московского Университета. На вопрос об их дальнейшей судьбе Московский Комитет по делам печати 10 марта 1907 г., за № 729, ответил, что за получением сведений о сем „Обществу надлежит обратиться к состоящему при Московском градоначальнике старшему инспектору типографий и книжной торговли в Москве, так как инспекция над типографиями является тем учреждением, которое приводит в исполнение распоряжения Комитета о задержании и уничтожении преступных произведений печати и потому располагает более подробными, чем Комитет, сведениями об арестах различных изданий и их дальнейшей участи». А старший инспектор по делам печати в Москве уведомил (9 января 1909 г., за № 19), что „по тщательном просмотре всех годовых отчетов моих предместников, начиная с 1871 г., в делах инспекции книгопечатания и книжной торговли в Москве никаких сведений о судьбе чистых листов сочинения Флетчера, не оказалось»....., и вторично (30 ноября 1909 г.), что „при просмотре списка книг, рисунков, вырезок и т. д. в описи, по коей все дела инспекции за время с 1865 по 1890 гг. сданы в Архив Московского губернского правления, – не встретилось упоминания о сочинении Флетчера».... По частным сообщениям лиц, давно служивших в типографии Императорского Московского Университета, различного рода листы, хранившиеся в типографии, как за печатями инспекции, так и листы дефектные и почему либо невыпущенных изданий, периодически (при сменах арендаторов) подвергались уничтожению... Быть может, при одной из этих чисток были уничтожены и листы перевода сочинения Флетчера. Но прямых указаний или свидетельств о судьбе их мы не имеем... Младший инспектор книгопечатания и книжной торговли в Москве (2-го участка) на официальный запрос Общества уведомил, что „к сожалению должен сообщить, что розыски в типографии Московского Университета о судьбе сочинения Флетчера „о государстве Русском» остались без результата (отношение от 13 марта 1909 г. за № 40).

Да и вообще, по какой-то случайности, сохранилось мало документальных данных об „истории Флетчера». В делах архива Московского Университета за 1848, 1853, 1854, 1859 и 1862 гг. сведений

не имеется (сообщение ректора Университета от 7 мая 1906 г., за № 1582). В канцелярии попечителя Московского учебного округа имеются только три дела: 1) 1848 г. № 11– о приостановлении 1-й книжки VI-го года Чтений Общества; 2) 1853 г. № 4 – о доставлении в Публичную библиотеку 2-х экземпляров перевода сочинения Флетчера и 3) 1864 г. № 3 – о доставлении в Министерство народного просвещения сочинений Флетчера о России (Содержание последнего дела изложено выше на стр. 35– 37, а первого и второго на стр. 17–18; кроме сообщенного там – в делах ничего другого нет. Сообщения управляющего Московским учебным округом от 14 декабря 1906 г. за № 29187 и попечителя Московского учебного округа от 6 апреля 1907 г., за № 8288).

В Архиве Министерства народного просвещения в настоящее время имеется только одно дело (1863 г., за № 5 а) бывшей Особенной канцелярии министра народного просвещения–„о записке секретаря Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете проф. О. Бодянского касательно перевода сочинения Флетчера о государстве Российском» (Сообщения директора Департамента общих дел Министерства народного просвещения от 12 марта 1907 г., за №3531 и товарища министра народного просвещения от 23 декабря 1908 г., за №15606. Дело 1863 г. № 5 состоит из двух документов: а) записки О. М. Бодянского 1862 г. и б) письма ему Головнина от 5 января 1863 г. за № 45). – Кроме этого дела в Архиве Министерства имелось еще дело 1848 г. № 109. При передаче в 1862 г. дел из Министерства народного просвещения в Главное управление по делам печати дело это (1848 г. №109) было оставлено при делах бывшей Особенной канцелярии Министерства народного просвещения, но сейчас его в Архиве Министерства нет: его не было и в 1883 г., судя по отметке тогдашнего начальника Архива Разумихина (имеется еще подобная же отметка и Н. П. Барсукова – тоже начальника сего Архива). Нет этого дела и в Главном управлении по делам печати. Не осталось ли оно у министра Головнина? Бумаги последнего, кажется, были положены им, на известных условиях, на хранение в Академию Наук. (Сообщение Главного управления по делам печати от 19 февраля 1907 г. за № 2288 и письма М. В. Никольского и И. А. Бычкова). В Канцелярии и Архиве бывшего Комитета министров кроме подлинных: а) особого журнала Комитета министров 30 июня и 7 июля 1864 г. за № 468, и б) подлинного представления Министерства народного просвещения, подробно изложенного в журнале, – никакого иного производства по этому делу – не имеется (сообщение помощника управляющего делами Совета министров

от 3 мая 1907 г., за №2742).

Примечания

¹ - Н.П. Барсуковым в X-ой книге его произведения «Жизнь и труды М.П. Погодина», стр.154 и след.; история напечатания сочинения Флетчера изложена А.А. Титовым в предисловии к перепечатанному А.С. Сувориным переводу Флетчера. Ср. Русский Архив 1892г. №2, стр. 248–251, №212. Книжные редкости И.М. Остроглазова.

² - И.М. Снегирев, Действит. член Общества, в своих «Дневниках» ни разу не упоминает о Флетчере за 1846–1848 годы.

³ - См. Н.П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, кн. X, 157. У Погодина в дневниках под 4 марта 1847 г. записано: «Беляев рассказывал, как Строганов выгнал Строева из собрания». (В заседании 28 февраля 1847 г. рассуждаемо было о библиотеке Общества и её библиотекаре и Обществом, посредством баллотировки, единогласно одобрены следующие правила...). Строев был библиотекарем по 25 января 1847г.

⁴ - Дневник Самуила Бельского 1609 г. и инструкция Сам. Грушецкому 1612 г. Бареццо Барецци о Самозванце.

⁵ - Как видно из приводимаго сейчас формуляра, Гиппиус награжден был этим чином.

⁶ - Русская Старина 1889г., апрель, стр. 240. В 1888г. Д. И. Гиппиус, 70 лет, вместе с женой Марьей Васильевной, 68 лет, проживал в Москве, в доме князя Юсупова, по Козловскому переулку, 1-го участка Яузской части. (Сообщение канцелярии Московского градоначальника от 13 августа 1907г. за № 35877).

⁷ - На рукописном оригинале Статейного списка: „набирать в два столбца тем же шрифтом, как предыдущий лист». Шрифт в Статейном списке и сочинении Флетчера один и тот же. Во Временнике, где впоследствии был выпущен Статейный список, шрифт совсем другой.

⁸ - К печатанию английского текста тогда же было приступлено: в Архиве имеется один корректурный лист его, именно 2-й, и типографский оригинал английского текста, весь местами разорванный и запачканный в типографии. Привожу здесь кстати и следующее письмо известного библиографа С. Соболевского кн. боленскому о сочинении Флетчера, написанное уже по выходе русского перевода его: „Любезный князь. Л на днях сравнивал русский перевод Флетчера с тем текстом, который помещен в 3 томе Purchas и нашел, что Purchas всего Флетчера перепечатал целиком. Разница может быть только в некоторых немногих

словах (чего я не мог заметить), а думаю это потому, что Purchas в начале выставил на боку следующее замечание; „I have in some places contracted, in others mollified the biting or more bitter style, which the Author useth of the Russian Gouvernement, that I might ave good at home, without harme abroad». Было бы занимательно сравнить вашего редкого Fletcher'a с моим редким же Пургасовским. Как бы это устроить? Я думаю вот как: не угодно ли вам будет прислать ко мне кого-либо из ваших юношей (напр. Мих. Пет. Полуденского) с вашим Флетчером. Он будет его читать громко, я же буду следить за его чтением по моему тексту и отметим разницу. Предлагаю это учинить у меня, потому что читать громко и особенно читать Флетчера в Архивских залах не очень прилично. Сверх того замечу, что в Пургасе не напечатано: посвящение королеве: 2) пять страниц приложений. Преданный вам С. Соболевский. Понедельник. Не можете ли вы разрешить для меня нижеследующего библиографического вопроса: Был ли перепечатан английский текст Флетчера в Чтениях? ибо я не видал 1-го номера Чтений полного, а русский перевод мне был доставлен в отдельных, даже вместе не сшитых, листах. Если был перепечатан (а мне помнится что да, точно также как перепечатывали Varezzi и других), то на скольких страницах? Очень желал бы видеть полный номер Чтений в том виде, как он был сначала выпущен в свет. Нельзя ли удостоиться сего счастья?»

⁹ - В августе был в Поречье Московской губ. , с 10 сентября в Москве; в Спб. был уже 15 октября. См. Жизнь М. П. Погодина, сост. Н. П. Барсуковым, кн. X.

¹⁰ - См. об этом письмо О. М. Бодянского к графу Строганову от 22 января 1849 г. в предисловии А. А. Титова к Суворинскому изданию перевода сочинения Флетчера стр. IX и в Русской Старине 1890 г. январь, стр. 54. Академик А. Б. Никитенко в своем „Дневнике» под 6 февраля 1849 г. пишет: „недавно был у меня князь М. А. Оболенский, начальник Московского Архива, и рассказывал много о подвигах Шевырева и Погодина, чтобы выслужиться перед графом Уваровым: как они подвизались против графа Строганова, как подали донос о печатании Флетчера, как пострадало от того Общество Истории и Древностей и секретарь последнего Бодянский и пр. “. ...Русская Старина 1890 г., февраль, стр. 396.—Н. П. Барсуков в X-ой книге Жизни М. П. Погодина приводит не особенно убедительные свидетельства для доказательства несправедливости сей молвы.

¹¹ - Погодин писал Шевыреву 10 октября 1848 г.: „Оболенский

указывал на места. Бодянский спрашивал Строганова 2 раза и читал ему все главы сполна». Гр. Строганов –Уварову 16 ноября 1848 г.:... Бодянский «два раза обращал внимание мое на содержание Флетчера и несмотря на его представление статья была назначена мною к печати».

¹² - 11 ноября 1848 г. он в следующих выражениях просил дозволения приехать в Спб.: „считая необходимым изъяснить вашему сиятельству (госуд. канцлеру) некоторые обстоятельства по делам Московского главного Архива и состоящей при нем Комиссии печатания государств, грамот и договоров, я желал бы иметь честь лично представить мои объяснения нашему сиятельству». 19 ноября дозволено. Возвратился в Москву 29 марта 1849 г.

¹³ - Историч. Вестник 1887 г., декабрь, стр.517. Дневник О. М. Бодянского под 23 декабря 1852 г.

¹⁴ - Русская Старина, 1887 г., сентябрь, стр. 658.

¹⁵ - Официальное письмо о сем О. М. Бодянского к М. П. Погодину от 8 октября напечатано Н. П. Барсуковым, т. X, стр. 158.

¹⁶ - Ответа на второе предложение (как поступить с остальными экземплярами) в деле Канцелярии попечителя Московского учебного округа нет.

¹⁷ - 14 февраля 1854 г. О. М. Бодянский отдал 1 экз. Флетчера помощнику попечителя Киевского учебного округа: „оп выманил у меня один экземпляр Флетчера, которого до сих пор никто еще не в силах был выпросить14. Историч. Вестник, 1887 г., декабрь, стр. 526.

¹⁸ - Русская Старина 1890 г. № 2, стр. 428.

¹⁹ - Из подлинного (напечатанного с пропусками) протокола заседания 7 ноября 1864 г. (присутствовали: вице-президент Д. С. Левшин, Действит. члены: С. М. Соловьев, гр. М. В. Толстой, И. Е. Забелин, А. Н. Афанасьев и секретарь О. М. Бодянский).

²⁰ - Сведения об этом находятся в приводимом ниже представлении Головнина в июне 1864 г. в Комитет министров. В Архиве Министерстве народного просвещения нет этого доклада Головнина (сообщение товарища м. н. пр. Георгиевского от 23 декабря 1908 г., за № 15606).

²¹ - Печатный экземпляр его находится в библиотеке Московского главного Архива Министерства иностранных дел (№ 6370 в 8-ку).

²² - На этом заканчивается представление министра.

²³ - I пункт – изложение представления Головнина и его записки о Флетчере; II пункт – о количестве экземпляров Чтений рассылаемых

лицам и учреждениям.

Содержание

«Дело Флетчера» 1848–1864 гг. Сергей Алексеевич Белокуров	1
Приложение № I	20
Приложение № II. Список лиц и учреждений, получающих в 1864 г. „Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете».	26
Примечания	40